

DOI 10.15826/izv2.2018.20.1.002

УДК 821.161.1-1 + 821.133.1 + 82-143

Т. И. Акимова*Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева
Саранск, Россия*

ГАЛАНТНЫЙ ЛЕКСИКОН «ЛЮБОВНЫХ ЭЛЕГИЙ» А. П. СУМАРОВОКОВА*

Статья посвящена анализу «Любовных элегий» А. П. Сумарокова с точки зрения ориентации автора на книгу французского писателя Ж. Ф. Дрё дю Радье (J. F. Dreux du Radier, 1714–1780) «Словарь любви» («Dictionnaire d'amour»), в которой описывается галантный поведенческий код. Связь сборника А. П. Сумарокова с книгой Дрё дю Радье рассматривается сквозь призму творчества двух авторов: В. К. Тредиаковского и А. В. Храповицкого. Если первый являлся оппонентом Сумарокова по вопросам реформирования русского языка, то второй показателен как выпускник одного с Сумароковым учебного заведения. Позиционируя себя как аристократический писатель, А. П. Сумароков концентрируется на изображении любовного чувства, которое выражается в его элегиях, с одной стороны, театрализованно (через ряд скульптурных поз), с фокусированием внимания на разных тональных переходах. Эта тональность колеблется в пределах от опасения лирического героя в ответной холодности Дамы сердца на его любовные признания до уверения любовника в утрате ума от любви, по правилам галантного поведения. С другой стороны, любовное чувство визуализируется (например, портрет возлюбленной состоит из таких черт, как «губы», «грудь») и тем самым создается иллюстрация тех словарных статей, которые помещены в «Любовном лексиконе». Соотнося галантный лексикон «Любовных элегий» с книгой Дрё дю Радье, российский читатель должен был приобщаться к галантному поведенческому коду, необходимому для усвоения модели поведения «порядочного человека». Однако не меньшее влияние на создание элегий сыграл опыт перевода «Езды в остров любви» В. К. Тредиаковского. Изучение восприятия галантного дискурса российскими писателями и его отражения в их творчестве позволяет исследовать проблему становления дворянского самосознания в русской литературе второй половины XVIII в.

К л ю ч е в ы е с л о в а: галантность; элегия; тема любви; творчество А. П. Сумарокова; дворянское самосознание.

Ц и т и р о в а н и е: *Акимова Т. И.* Галантный лексикон «Любовных элегий» А. П. Сумарокова // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2018. Т. 20. № 1 (172). С. 30–37.

Поступила в редакцию 02.10.2017

Принята к печати 09.01.2018

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00452 «Екатерина II: личность, творчество, эпоха. Энциклопедический словарь».

© Акимова Т. И., 2018

Tatiana I. Akimova

N. P. Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia**THE GALLANT LEXICON OF A. P. SUMAROKOV'S *LOVE ELEGIES***

The author analyses A. P. Sumarokov's *Love Elegies* from the point of view of the writer's reference to the book of French writer J. F. Dreux du Radier (1714–1780) *The Dictionary of Love (Dictionnaire d'amour)*, which describes the gallant behavioural code. The correspondence of A. P. Sumarokov's collection with the book by Dreux du Radier is considered through the prism of two authors: V. K. Trediakovsky and A. V. Khrapovitsky. If the former was an opponent of Sumarokov's when it came to the issues underlying the reforming of the Russian language, the latter was a graduate of the same educational institution as Sumarokov. A. P. Sumarokov concentrates on the portrayal of the image of love which is expressed in his elegies, on the one hand, theatrically (through a number of sculptural poses), focusing his attention on different voice-frequency transitions. This tonality fluctuates within certain limits: from the fear of the lyrical hero that his love might not be requited when he confesses it to his Lovelady to the assurance of the lover of loss of mind from love, well in accordance with the rules of gallant behavior. On the other hand, the love feeling is visualised (for example, the portrait of the beloved consists of such features as "lips", "breasts") thus creating an illustration of the dictionary entries which can be found in *A Love Lexicon*. Comparing the gallant lexicon of *Love Elegies* to the book by Dreux du Radier, the Russian reader had to join the gallant behavioural code necessary to adopt the behaviour model of "a decent person". However, the translation of Trediakovsky's *Journey to the Island of Love* had an equally strong influence on the creation of the elegies. The analysis of how Russian writers perceived gallant discourse and reflected it in their creative work helps study the evolution of the consciousness of the gentry in the Russian literature of the second half of the 18th century.

Key words: gallantry; elegy; love subject; A. P. Sumarokov's creative work; noble consciousness.

Acknowledgements

The research is sponsored by the *Russian Foundation for Basic Research*, project number 18-012-00452, "Catherine II: Personality, Creativity, Era. Encyclopaedic Dictionary".

Citation: Akimova, T. I. (2018). Galantnyj leksikon "Lyubovnyh ehlegij" A. P. Sumarokova [The Gallant Lexicon of A. P. Sumarokov's *Love Elegies*]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 20, 1 (172), 30–37.

Submitted on 02 October, 2017

Accepted on 09 January, 2018

Проблема становления галантного поведения в российской культуре неоднократно оказывалась предметом исследования отечественных литературоведов (Е. И. Гречаная, Л. И. Сазонова, Т. Е. Абрамзон), прослеживающих влияние французской литературы на творчество русских писателей XVIII в. Безусловно,

главным вопросом в этом обсуждении становится вопрос «облегчения» русского языка от тяжеловесных церковнославянских форм и усвоение им из французской словесности или нахождение в нем соответствующих любовному словарю понятий.

Выходец первого в России светского учебного заведения и осознающий себя именно светским писателем, А. П. Сумароков, по-видимому, был знаком с произведением Жана Франсуа Дрё дю Радье «Словарь любви» (1741). Если первая публикация «Любовных элегий» произошла в 1759 и 1760 гг. в журналах «Трудолюбивая пчела» и «Праздное время», то вторая осуществлялась отдельным томом в 1769 г. под названием «Разные стихотворения», куда вошли и элегии [Вроон].

Годом раньше выпускник того же учебного заведения, что и Сумароков, Сухопутного шляхетского корпуса¹, А. В. Храповицкий выпустил перевод книги французского автора под названием «Любовный лексикон», причем «текст был опубликован в типографии этого учебного заведения без указания имени автора и переводчика» [Сазонова, с. 227].

Все это позволяет говорить о знакомстве учащихся этого заведения со «Словарем любви» Дрё дю Радье. На эту мысль наталкивают сами «Елегии любовные», опубликованные отдельным изданием в 1774 г. Заимствуя, по классицистической традиции, название у Овидия, Сумароков, однако, берет у него только общий жанровый канон: там, где античный поэт отталкивается от мифологии, обращаясь в любовных песнях к римским богам [Овидий], российский поэт актуализирует модный литературный сюжет — ситуацию потерю возлюбленной Селадон из романа д'Юрфе «Астрея». Причем автор нигде не открывает читателю этой галантной рамки произведения, которая входит в жанровый канон пасторального романа, знакомого русскому читателю по переводу В. К. Тредиаковского «Езды в остров любви» Тальмана. Как известно, именно Тредиаковский представил любовную тему в русской литературе в том ракурсе, который ей не был известен: развивал аристократическое содержание любовного сюжета в форме стихотворного сборника. Соответственно, Сумароков не мог не учитывать этот опыт своего оппонента по вопросам разработки русского литературного языка². Но сделал это обращением к книге более современного французского автора.

Более того, этапы редакторской работы Сумарокова в процессе издания «Любовных элегий» свидетельствуют о целенаправленной деятельности автора

¹ Об особой воспитательной роли этого учебного заведения в становлении светской культуры Г. А. Гуковский писал: «Основной педагогической задачей корпуса стало воспитание образцовых дворян, вполне цивилизованных, обладающих элементарными гуманитарными знаниями и умеющих себя держать в обществе. Корпус готовил не работников, как петровские школы, а начальников. Практику студенты проходили во дворце. Корпусное начальство было поставлено перед необходимостью заниматься обучением европейским приличиям и культуре быта дворянских сынков» [Гуковский, с. 350].

² «Сумароков, отвергая предлагаемые Тредиаковским критерии нормализации литературного языка, противопоставляет аристократический вкус ученому разуму, отказываясь уступить задачу просвещения новой элиты ученым разночинцам. Учить благородству мыслей и благородству поведения (в том числе языкового) должны те, кто сам получил благородное (дворянское) воспитание» [Живов, с. 19].

по созданию целостного поэтического сборника с единым сюжетом, лирическим героем и одной темой, представляющей разные оттенки любовного чувства. И хотя Г. А. Гуковский и М. Левитт с большой осторожностью говорят о влиянии на «Любовные элегии» Сумарокова галантных прециозных элегий де ла Сюз, все же использование русским автором галантного лексикона не вызывает сомнений. Галантный язык не только позволял Сумарокову с максимальной полнотой раскрывать любовную тематику в подчеркивании аристократического статуса ее лирического героя, но и находить адекватную форму естественного выражения науки любви.

Как справедливо отмечает Т. Е. Абрамзон, анализируя «Любовную гадательную книжку» Сумарокова, выпущенную им в том же 1774 г., истинное чувство предстает у него как «Любовь-страсть, любовь-мука, любовь-болезнь» [Абрамзон, с. 112].

Такой же предстает любовь и в его элегиях, в которых высшей формой проявления чувства становится признание в безумии, когда «наш герой заявляет о своей неспособности рационально мыслить (безумии) как о естественном состоянии, как о победе природы и чувства над разумом» [Котомин, с. 156]. Однако это безумие – не тот гносеологический разлом, который будет наблюдаться в поэзии романтиков, и не вытеснение рационализма чувством, как у сентименталистов. Классицистское объявление лирическим героем себя безумцем от любви – это такая же игра, как и необходимость в любовном вассалитете: подчинении влюбленного возлюбленной. Как отмечается в переводе А. В. Храповицкого: «Хотя долгое время умереть значило переселиться на тот свет, но ныне и красавицы уверены, что любовник умирает в стихах или в прозе, когда переговорил все страстные слова, и нечем иным окончить» [Дрё дю Радье, с. 67].

В галантном поведении все регламентировано и выполняет важную ритуальную функцию — создание красивого любовного спектакля. Особая роль в нем принадлежит слову. В отличие от громогласного мощного слова Ломоносова, сумароковское слово подчиняется задаче нахождения адекватного соответствия между оттенком чувства и его емким словесным выражением. В этой связи Сумарокову и мог понадобиться «Словарь любви» Дрё дю Радье: он позволял автору декорировать спектакль любовного объяснения, подобно театральному действию, становясь режиссерским ходом автора-классициста.

Сумароковский герой отнюдь не желает быть таким, как все: естественным человеком сентиментализма, он мифический герой, и возвышает его именно любовное чувство. В связи с чем он объясняется перед всем миром: «Всечасно я глашу: мой рок тебя унес: / Внимают горы то, луга, потоки, лес, которые от очей моих тебя скрывают» [Сумароков, с. 11]. Его возлюбленная также находится в мифической стране, и эта страна прекрасна: «где ты осталася, в прекрасну ту страну, котору горы, лес, от глаз моих скрывают» [Там же, с. 8].

Экспозицией в любовном спектакле Сумарокова становится разлука между мужчиной и женщиной, при этом они, по-видимому, стоят друг против друга, так как начальные строки первой элегии фиксируют внимание читателя на взгляде

лирического героя, устремленного к возлюбленной: «Престаньте вы глаза дражайшей прельщаться; / Уже проходит час с любезною прощаться: / Готовьтесь теперь горчайши слезы лить» [Сумароков, с. 3]. Безусловно, «взгляд» — это условие как для зарождения и развития любовного чувства, так и для прощания; указание на него в любовной речи, согласно наставлениям «Словаря любви», необходимо каждому молодому человеку [Дрё дю Радье, с. 14].

Завязкой в дальнейшем исследовании чувства любви в сумароковских элегиях становится тоска лирического героя. Он признается: «А я действительной терзаюся тоской; / Отъята от меня свобода и покой» [Сумароков, с. 5]. Герой впадает в отчаяние [Дрё дю Радье, с. 50] — еще одно необходимое в галантном лексиконе слово: «В отчаянье, в тоске, терпя мою беду / с утра до вечера покойной ночи жду» [Сумароков, с. 6]. От него Сумароков переходит к описанию мук [Дрё дю Радье, с. 41] своего героя: «Бывал ли кто когда в такой несносной муке, / И столько беспокойств имел ли кто в разлуке?» [Сумароков, с. 7], а также к указанию на беспокойство [Дрё дю Радье, с. 11].

Четвертая элегия начинается с признаний героя о единстве мысли и сердечного чувства [Там же, с. 59]: «Что сердце чувствует, то мысль изображает» [Сумароков, с. 8], о прошедших минутах [Дрё дю Радье, с. 39] радости, проведенных наедине с любимой: «Минуты радостны возлюбленнейших дней, не выйдут никогда из памяти моей» [Сумароков, с. 8]. В пятой элегии говорится о горячности [Дрё дю Радье, с. 20] лирического героя: «Горячности к себе мою ты грусть исчисли» [Сумароков, с. 10] и жестокости [Дрё дю Радье, с. 27] его возлюбленной: «Лишь может сердце то мое изобразить, / Как жестоко возмог твой взор его пронзить» [Сумароков, с. 10].

Шестая элегия посвящена описанию зараз любимой, без которых немислим галантный лексикон («Ласкательное словцо, довольно вспомошествоющее в любовных речах» [Дрё дю Радье, с. 28]): «Заразов я твоих прелестнее не знаю» и возникающих при этом приятных [Там же, с. 56] ощущений лирического героя: «Наполнен разум мой приятностию сей» [Сумароков, с. 11]. В седьмой элегии упоминается о лютom случае [Дрё дю Радье, с. 60]: «И ото всех сторон, стесненный дух томя, / Случаи лютые стремятся здесь на мя» [Сумароков, с. 12] и о гордости [Дрё дю Радье, с. 20] лирического героя, сравниваемой с океаном: «Так ветры шумные на гордом океане, / Ревущую волной пресильно в судно бьют» [Сумароков, с. 12]. И если в восьмой элегии говорится о потерянной надежде [Дрё дю Радье, с. 41]: «Со всех сторон беды, и нет надежды боле» [Сумароков, с. 12], то девятая становится поводом к упрекам возлюбленной в неверности [Дрё дю Радье, с. 42]: «Неверная! Меня ты вечно погубила» [Сумароков, с. 13] и в оказании милости [Дрё дю Радье, с. 39] другому мужчине: «Другой тебе стал мил» [Сумароков, с. 13].

Десятая элегия оказывается ожиданием ответного чувства: «Могу ли я когда любви твоей дожждаться?» [Сумароков, с. 14] и желанием признания в любви [Дрё дю Радье, с. 35, 37] от своей возлюбленной: «Я время, мысли, ум и все тобой гублю, / скажи, драгая, мне: и я тебя люблю» [Сумароков, с. 15].

В одиннадцатой элегии Сумароков подчеркивает все возможности любви: это ощущение власти [Дрё дю Радье, с. 14]: «Престань употреблять во зло свою мне власть!» [Сумароков, с. 15], постижение красоты [Дрё дю Радье, с. 34] другого человека: «Я пленен навсегда твоею красотой» [Сумароков, с. 15]; а от него всего мира, что позволяет сделать шаг навстречу вечности [Дрё дю Радье, с. 13]: «И вечности пред ним растворены врата» [Сумароков, с. 16], увидеть дыхание рока [Дрё дю Радье, с. 58]: «Когда ужасный рок тоску ево сугубит» [Сумароков, с. 16], а также осознать пламя [Дрё дю Радье, с. 53] настоящего чувства: «И вспомнив как пылал во мне тобою пламень» [Сумароков, с. 16].

Двенадцатая, заключительная элегия сообщает читателю о знании [Дрё дю Радье, с. 30], которое дается лирическому герою: «Я знаю, что твой дух меня не позабудет» [Сумароков, с. 17], и это знание высшего порядка, духовное провидение как альтернатива иной, телесной любви. Включенные в сборник стансы продолжают тему любви в направлении изъявления то нежности [Дрё дю Радье, с. 43]: «Надеяся твою к себе имел я нежность» [Сумароков, с. 18], то ненависти [Дрё дю Радье, с. 44] к себе: «Сам себя я ненавижу» [Сумароков, с. 19].

Своеобразным маркером любовного лексикона становится слово «Ах!», которое толкуется следующим образом: «часто употребляется в любовных речах и изъявляет иногда великое желание уверить в том, о чем не думает» [Дрё дю Радье, с. 10]. Сумароков употребляет его в последнем стансе словно невзначай: «Ах! А ныне где сокрыться / От злодеев я могу!» [Сумароков, с. 21], но именно таким способом и советуют его употреблять в «Любовном лексиконе»: «Сие словцо иной почтет за безделицу, но умный стихотворец всегда употребляет в свою пользу» [Дрё дю Радье, с. 11].

Лирический герой Сумарокова, как и молодые читатели «Любовного лексикона», ищет в своей возлюбленной верности. Он речет: «Наполнен разум мой приятностию сей: а счастье мое во верности твоей» [Сумароков, с. 11]. Словарь Радье предупреждает о скором разочаровании таких наивных молодых людей: «Верные и страстные любовники довольно видны на театре, а в свете верный любовник есть тот, который еще не видел никакой благосклонности от своей любезной» [Дрё дю Радье, с. 13]. Поэтому очень скоро читатель ввергается во всю гамму переживаний героя, цель которых – осмыслить оттенки любовного чувства, передающиеся через драматургические акты: тоска героя – сердечные муки – ревность – признание в любви – желание смерти.

Подобная театрализация способствовала визуализации элегического жанра, который у Сумарокова тяготел к трагедии. Если, по мнению М. Левитта, «визуальное — с акцентом на зримости, потребности видеть и ценить увиденное — сыграло важнейшую роль в формировании русского самосознания начала века» [Левитт, с. 17], то во второй половине XVIII в. оно становилось способом воздействия на читателя, авторской стратегией писателя. Своеобразная театрализация, а через нее — визуализация любовного чувства — должны были содействовать максимальному усвоению читателем не только «новых слов», почерпнутых из «Словаря любви», но и новой аристократической культуры, долженствующей

подчеркивать особый статус российского дворянина как чувствительного, так и глубокомыслящего.

«Любовный лексикон» *Дрё дю Радье* можно считать лишь одним из источников в работе А. П. Сумарокова над «Елегиями любовными», так как главная установка галантного дискурса — на радость и веселье [Гречаная] — в них отсутствует. В изображении тональности любовного чувства Сумароков идет за В. К. Тредиаковским в его переводе «Езды в остров любви», которое, по замечанию Б. Леннkvист, предстает описанием «любви как муки и страдания» [Леннkvист, с. 23]. А. П. Сумароков в этом процессе изучения мучительного чувства утверждает постижение высшего смысла мироустройства, за которым кроется и высшая суть Человека и Поэта.

Источники

Дрё дю Радье. Любовный лексикон / пер. с фр. А. В. Храповицким. СПб., 1768.

Овидий П. Н. Собрание сочинений : в 2 т. СПб. : Студия Биографика, 1994. Т. 1.

Сумароков А. П. Елегии любовные. СПб., 1774.

Исследования

Абрамзон Т. Е. «Любовная гадательная книжка» А. П. Сумарокова в контексте культуры XVIII века, или Литературная безделка от «северного Расина». М. : ОГИ, 2013.

Вроон Р. «Оды торжественные» и «Елегии любовные»: история создания, композиция сборников // Сумароков А. П. Оды торжественные. Елегии любовные. Репринтное воспроизведение сборников 1774 года. Приложение: Редакции и варианты. Дополнения. Комментарии. Статьи. М. : ОГИ, 2009. С. 387–468.

Гуковский Г. А. Сумароков и его литературно-общественное окружение // История русской литературы : в 10 т. / АН СССР. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. 3 : Литература XVIII века. Ч. 1. 1941. С. 349–420.

Гречаная Е. П. Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке (XVIII — первая половина XIX века). М. : ИМЛИ РАН, 2010.

Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М. : Языки рус. культуры, 1996.

Котомин М. А. Любовная риторика А. П. Сумарокова: «Елегии любовные» и их художественное своеобразие // Александр Петрович Сумароков, 1717–1777 : жизнь и творчество : сб. ст. и материалов / Рос. гос. б-ка ; [сост. Е. П. Мстиславская]. М. : Пашков дом, 2002. С. 133–160.

Левитт М. Визуальная доминанта в России XVIII века / пер. с англ. А. Глебовской ; науч. ред. перевода Н. Алексеева. М. : Новое лит. обозрение, 2015.

Леннkvист Б. Открытие русского Эроса: «Езда в остров любви» // Леннkvист Б. Кленовая ветвь. Статьи разных лет о русской литературе. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. С. 10–24.

Сазонова Л. И. Освоение языка куртуазности и науки галантного поведения // Сазонова Л. И. Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2012. (Studia philologica). С. 197–247.

References

Abramzon, T. E. (2013). “*Lyubovnaya gadatel’naya knizhka*” A. P. Sumarokova v kontekste kul’tury XVIII veka, ili Literaturnaya bezdelka ot “severnogo Rasina” [The Love Fortune-telling Book of A. P. Sumarokov in the Context of 18th Century Culture, or the Literary Trifle from a “Northern Racine”]. Moscow: OGI. (In Russian)

Grechanaya, E. P. (2010). *Kogda Rossiya govorila po-francuzski: russkaia literatura na francuzskom iazyke (XVIII – pervaiia polovina XIX veka)* [When Russia Spoke French: Russian Literature in French (18th – the First Half of the 19th Century)]. Moscow: IMLI RAN. (In Russian)

Gukovsky, G. A. (1941). Sumarokov i ego literaturno-obshchestvennoe okruzhenie [Sumarokov and His Literary and Public Environment]. In *Istoriya russkoj literatury* [History of Russian Literature] (Vols. 1–10). (Vol. 3: Literatura XVIII veka [Literature of the 18th Century], Pt. 1, pp. 349–420). Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. (In Russian)

Kotomin, M. A. (2002). Lyubovnaya ritorika A. P. Sumarokova: “Elegii lyubovnye” i ih hudozhestvennoe svoeobrazie [A. P. Sumarokov’s Love Rhetoric: *Love Elegies* and their Artistic Originality]. In E. P. Mstislavskaya (Ed.), *Aleksandr Petrovich Sumarokov, 1717–1777: Zyzn’ i tvorchestvo* [Alexander Petrovich Sumarokov, 1717–1777: Life and Creative Work] (pp. 133–160). Moscow: Pashkov dom. (In Russian)

Levitt, M. (2015). *Vizual’naia dominanta v Rossii XVIII veka* [The Visual Dominant in Eighteenth-Century Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Lönnkvist, B. (2013). Otkrytie russkogo Ehrosa: “Ezda v ostrov lyubvi” [Discovering Russian Eros: Journey to the Island of Love]. In B. Lönnkvist, *Klenovaya veto’. Stat’i raznykh let o russkoj literature* [Maple Branch. Articles of Different Years on Russian Literature] (pp. 10–24). St Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo un-ta v Sankt-Peterburge. (In Russian)

Sazonova, L. I. (2012). Osvoenie yazyka kurtuaznosti i nauki galantnogo povedeniya [The Development of the Language of Courtesy and the Science of Gallant Behavior]. In L. I. Sazonova, *Pamiat’ kul’tury. Nasledie Srednevekov’ia i barokko v russkoj literature Novogo vremeni* [The Memory of Culture. The Heritage of the Middle Ages and the Baroque in the Russian Literature of the Modern Era] (pp. 197–247). Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi. (In Russian)

Vroon, R. (2009). “Ody torzhestvennye” i “Elegii lyubovnye”: istoriya sozdaniia, kompoziciia sbornikov [Solemn Odes and Love Elegies: Creation History, Composition of Collections]. In A. P. Sumarokov, *Ody torzhestvennye. Elegii lyubovnye. Reprintnoe vosproizvedenie sbornikov 1774 goda. Prilozhenie: Redakcii i varianty. Dopolneniya. Kommentarii. Stat’i* [Solemn Odes. Love Elegies. Reprint of the Collections of 1774. Appendix: Editions and Variants. Additions. Comments. Articles] (pp. 387–468). Moscow: OGI. (In Russian)

Zhivov, V. M. (1996). *Yazyk i kul’tura v Rossii XVIII veka* [Language and Culture in 18th Century Russia]. Moscow: Yazyki russkoi kul’tury. (In Russian)

Акимова Татьяна Ивановна

доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной
литературы Мордовского государственного
университета им. Н. П. Огарева
430005, Саранск, ул. Большевикская, 68
E-mail: akimova_ti@mail.ru

Akimova Tatyana Ivanovna

Dr. Hab. (Philology), Professor
Department of Russian and Foreign Literature
N. P. Ogarev Mordovia State University
68, Bolshevistskaya Str., 430005 Saransk,
Russia
Email: akimova_ti@mail.ru
Scopus ID: 57194767221